

Глава 18. Чёрная роза 17

Никогда в жизни Чэнь Шаньвань не чувствовал себя таким униженным.

Его зрачки расширились от неверия.

Всё его тело было туго стянуто шипами, даже пальцы были раздвинуты, неспособные согнуться или пошевелиться.

Его движения полностью контролировались шипами.

Он чувствовал себя тетивой лука, что натянута до предела; лёгкое удушье вызывало головокружение, распирающую боль и даже лёгкую тошноту.

Было очень тяжело.

Ощущения от шипов, скользивших по его телу, тоже были далеки от приятных. Напряжение, сковавшее Чэнь Шаньваня, происходило не только от них, но и от него самого.

Всё его тело непрерывно дрожало — от страха, но ещё больше от гнева, рождённого сильным стыдом.

Это лишило его способности здраво мыслить.

Три родинки цвета киновари вдоль позвоночника Чэнь Шаньваня были полностью скрыты чёрными шипами, словно хрупкий цветок, опутанный каким-то злодеем, — жалкий и беззащитный.

Ледяное, влажное и мягкое прикосновение поднималось от кончиков пальцев ног, скользило по его напряжённой до выступивших вен стопе, и к лодыжке уже начинало постепенно нагреваться.

Шипы то сжимались с новой силой, то ослабевали, подобно груди дышащего чудовища.

Чэнь Шаньвань хотел сопротивляться, но не смел и не мог.

Не смел, потому что даже самые сокровенные места были опутаны шипами, он и впрямь был покрыт ими с головы до ног.

Казалось, какое-то чудовище сочло его лакомым блюдом и теперь, используя сок чёрных роз как соус, неспешно дегустировало его.

Алый кончик языка слизывал чёрную жидкость. Чэнь Шаньвань чувствовал, как «кто-то» нависнув над ним, приближался всё ближе. Он изо всех сил пытался сохранять спокойствие, дрожа и пытаясь совладать с водоворотом смешавшихся противоречивых эмоций.

Кто?

На вилле есть третий человек? Или это...

...Юй Суй.

Чэнь Шаньвань стиснул зубы. Голос, вырвавшийся из горла, звучал хрипло и дрожал — то ли от движений, то ли от того, что в нём прорезалась какая-то незванная приторность.

Чэнь Шаньвань услышал тихий смешок.

Тот самый тихий смешок, что был ему знаком.

Раньше казавшийся нежным и остроумным, сейчас он звучал зловеще, вмещая в себя и фамильярность, и некую рассеянность, а тон был очень оживлённым, словно у того, кто расставил ловушку и наконец поймал добычу, — торжественно и удовлетворённо.

— А-Вань, я так счастлив.

Ледяная рука коснулась лица Чэнь Шаньваня. Он стиснул зубы, пытаясь отвернуться, но не смог.

Его зрение затуманилось, он не мог разглядеть черты Юй Суя, особенно когда чёрные шипы плотно обвили его глаза, погрузив во тьму.

Прочие чувства от этого лишь обострились.

Кончики пальцев Чэнь Шаньваня покраснели, суставы приобрели тот же оттенок, что ярко контрастировало с его холодной фарфоровой кожей.

Юй Суй не удержался, склонился и прикоснулся губами к этой розовой полоске, и даже

заставив шипы немного расступиться, слегка укусил кончик указательного пальца Чэнь Шаньваня.

Чэнь Шаньвань застыл. Ему казалось, будто шипы впились в его кровь и плоть, сжимая так, что не вздохнуть.

Ощущение щекотки с лёгким покалыванием накрыло его. Чэнь Шаньвань хотел увернуться, хотел дать отпор, но не мог.

Он лишь покорно позволял Юй Сую действовать, чувствуя, как ледяное тело прижимается к нему, обвивает его, словно змея, медленно опутывая его в своих объятиях.

Шипы, сковывавшие тело, по большей части отступили, лишь некоторые всё ещё опутывали его конечности и шею.

Шипы, кольцом сжимавшие его глаза и не позволяющие открыть их, тоже остались.

Юй Суй лежал на нём, но Чэнь Шаньвань не чувствовал ни малейшей тяжести, лишь ледяной холод сквозь тонкую ткань одежды, пронизывающий его до костей.

Чэнь Шаньвань не мог сдержать озноба.

Рука Юй Суя обхватила его талию, одна ладонь легла на поясницу, другая — сзади, наискосок, пересекая спину, пальцы впились в его плечо. Ноги Юй Суя тоже сцепились с его ногами. Казалось, «он» намеренно лёг ниже, прильнув головой к груди Чэнь Шаньваня, и прижав ухо к его сердцу.

Это была поза всецелого обладания.

Его голос звучал по-прежнему, казалось, холодным и терпким от природы, и он намеренно смягчал его, словно лёгкий ветерок. Одурманенный разум, мог бы счесть его нежным, но трезвый ум ужаснулся бы — чувство неестественности было слишком явным.

Юй Суй сказал:

— Ты сразу узнал меня, я так счастлив.

Эти слова не были ложью, ибо его алые уголки губ искренне приподнялись, а взгляд был наполнен плотной, осязаемой радостью и весельем. Но под ними скрывалась одержимость, способная повергнуть в ужас:

— Но ты всегда приходишь в себя так быстро... Как же грустно.

Он говорил «как же грустно», но в голосе не было и тени печали, лишь смех, пока шипы, обвивавшие шею Чэнь Шаньваня, скользили по его выступающим ключицам.

Белое и чёрное смешались в зыбкой двусмысленности.

Чэнь Шаньвань почувствовал щекотку, сопровождаемую лёгким, едва заметным покалыванием. Он не знал, сколько уже мелких царапин оставили на его теле шипы, чьи колючки были притуплены ради него.

Безупречное нефритовое тело было разрисовано, раздроблено и покрыто следами, чужого владения.

Чэнь Шаньвань стиснул зубы, сдерживая ярость, холодно бросив:

— Отпусти.

Юй Суй на мгновение замер, но не только не рассердился, а улыбнулся ещё шире:

— А-Вань.

И с интересом спросил:

— Разве ты отпустил бы любимую вещь, которую с таким трудом приобрёл?

Чэнь Шаньвань, почти не колеблясь, холодно ответил:

— Я не вещь.

Юй Суй приподнял бровь, отпустил его, приподнялся, опершись руками по бокам от него.

Будь на месте Юй Суя кто-то другой, он бы не понял, как Чэнь Шаньвань умудряется в такой ситуации сохранять такую властность и твёрдость, ведь сейчас он был полностью во власти Юй Суя.

Но Юй Суй понимал.

Его А-Вань был именно тем, кто скорее сломается, чем согнётся.

Юй Суй протянул руку к Чэнь Шаньваню, кончиком пальца коснувшись его выступающего кадыка.

Ощувив ледяное прикосновение, Чэнь Шаньвань даже не сразу понял, что это палец.

Он был слишком холодным.

Его кадык непроизвольно дрогнул, тело инстинктивно содрогнулось. Этот вид в сочетании с его распростёртым телом делал его похожим на жертву на алтаре.

Связанную и пригвождённую к алтарю, отданную на заклятие, подобно агнцу, подставляющему горло ножу.

Глаза Юй Суя потемнели.

Такой Чэнь Шаньвань выглядел поистине сладко и соблазнительно.

Так и хотелось впиться зубами в его шею, вкушая его прелесть, невзирая ни на что.

Снаружи и изнутри.

Но Чэнь Шаньвань никогда не был столь хрупким.

Мгновенная рассеянность Юй Суя лишила шипы воли, и Чэнь Шаньвань воспользовался этим мигом послабления.

Он провернул запястье, выхватив из-под подушки жёлтый талисман, свёрнутый в треугольник, который он успел спрятать перед тем, как потерять сознание, и изо всех сил швырнул его.

Не видя, но зная, что Юй Суй лежит на нём, Чэнь Шаньвань бросил его прямо в него.

Он действовал так быстро, что Юй Суй не успел среагировать.

В тот миг, когда бумажный талисман ударил его по шее, шипы в комнате тут же рассыпались в прах, и Юй Суя охватила разрывающая боль.

Чэнь Шаньвань высвободился из его оков, но почувствовал, как на него льётся ещё больше липкой жидкости. Раскрыв глаза, он увидел, что всё его тело испачкано чёрной, похожей на нефть жидкостью, усыпанной сверху чёрными лепестками.

Но Чэнь Шаньваню было не до отвращения.

Он скатился с кровати, его левая нога подкосилась, он пошатнулся и упал на одно колено.

Но сейчас было не время раздумывать.

Чэнь Шаньвань сначала нажал тревожную кнопку, затем набрал номер полиции.

По его телу стекал сок, напоминая о том, что он только что пережил.

Чэнь Шаньвань сжал кулаки.

Прошло меньше двух секунд, и трубку подняли. Поскольку Юй Суй явно не был человеком, Чэнь Шаньвань, не дожидаясь вопросов, сразу же быстро назвал свой адрес и сказал:

— ...Меня похитили. Противник не простой, вам, возможно, придётся провести операцию по спасению заложников.

В трубке на мгновение воцарилась тишина.

Уже в первую секунду молчания на том конце провода сердце Чэнь Шаньваня ёкнуло.

Особенно когда затем раздался знакомый голос.

Холодный, терпкий, растягивающий каждый слог. В нём не слышалось гнева, скорее рассеянность, даже с лёгкими нотками смеха. Если прислушаться, можно было решить, что он раздосадован, словно они просто поссорились.

— А-Вань. — тихо вздохнул Юй Суй. — Мне и впрямь немного грустно. Ты не только принял дар от тех вонючих крыс, спрятал его у себя под подушкой, но теперь ещё и хочешь убить меня?

Чэнь Шаньвань положил трубку.

Он, опираясь на кровать, поднялся, пока, не перенося вес на левую ногу, потому что та не слушалась.

Чэнь Шаньвань сел на кровать, достал из своей сумки на тумбочке одежду и натянул её.

Стиснув зубы, он смотрел на покрывавшие его следы, не в силах решить, что преобладает — гнев или стыд.

Путь к спасению через полицию был отрезан, телефон под контролем, оставалось надеяться только на себя.

Чэнь Шаньвань, опираясь, встал с кровати.

Он действительно не чувствовал ничего необычного в левой ноге, сначала он подумал, что упал из-за спешки, но на этот раз, сделав шаг вперёд, он почувствовал, как нога подкосилась, и он рухнул вперёд — в ледяные объятия.

Неизвестно откуда взявшийся Юй Суй подхватил его. Он не обнял его, а лишь поддержал за руку, и помог удержать равновесие.

Юй Суй улыбался:

— А-Вань, не рань себя.

Чэнь Шаньвань вцепился в его предплечье, согнувшись и опустив голову, глядя на свою левую ногу. В его жесте не было ни капли близости или двусмысленности, лишь холодный допрос:

— Что ты со мной сделал?

Чёрные шипы фамильярно обвили лодыжку Чэнь Шаньваня, тон Юй Суя стал оживлённым:

— А что же я сделал?

Он рассмеялся, голос звучал невинно и наивно, но слова были жестокими:

— Я просто не хочу, чтобы ты уходил, А-Вань. Если не сможешь ходить, то и убежать не сумеешь, верно?

Чэнь Шаньвань ещё сильнее вцепился одной рукой в Юй Суя, притянул его к себе, а другую руку разжал.

Перенеся весь вес на правую ногу, он без колебаний нанёс Юй Суя удар.

Чэнь Шаньвань действовал быстро, но Юй Суй был быстрее.

Он поймал руку Чэнь Шаньваня. Тот поднял глаза и увидел, как бледное лицо расцвело перед ним подобно цветку, прекрасное, как ядовитая змея с переливающейся чешуёй.

В голове у Чэнь Шаньваня загудело, и почти неосознанно он поднял руку, закрыв ею глаза Юй Суя.

Юй Суй на мгновение замер, но позволил ему это сделать. Он покорно опустил веки, в уголках губ застыла та же лёгкая улыбка, на вид легкомысленная и опасная, но при внимательном рассмотрении в ней можно было различить нежность.

— ...Всё-таки это ты.

Пошептал Чэнь Шаньвань, и все негативные эмоции разом отхлынули, как прилив, исчезли даже его ошестинившиеся колючки и ледяная броня:

— Всё-таки это ты.

Тот самый старший брат из приюта.

<http://bllate.org/book/12897/1133590>